

СВЕТЛАНА В. ШЕШУНОВА

КОЛЕСО И КРЕСТ В *КРАСНОМ КОЛЕСЕ* А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА

Тетралогия *Красное Колесо* (1937, 1969-1973, 1975-1990) – главное произведение Александра Солженицына, труд всей его жизни. Оно мало кем прочитано и еще менее изучено. Между тем его поэтика очень интересна. С одной стороны, автор максимально ограничивает сферу вымысла и воспроизводит реальные события с документальной точностью. Как показал в своем исследовании Павел Спиваковский, Солженицын принципиально отказывается «от роли демиурга, творца своего собственного, антропоцентрически автономного мира», поскольку видит в истории руку наилучшего Мастера и, по его собственным словам, «радостно работает... под мастерьем под небом Бога»¹. С другой стороны, автор *Красного Колеса* выявляет в исходном документальном материале «такие эстетические, структурные, символические и метафизические пласты, обнаружить которые способен только художник»². Цель данной статьи – обозначить один из таких пластов.

По мысли Солженицына, историческое бытие далеко не исчерпывается очевидными, наблюдаемыми событиями; в нем незримо присутствует метафизическое измерение. «Время, в котором мы живем, имеет бездонную глу-

Dr SWIETŁANA W. SZESZUNOWA – doktor nauk filologicznych, Katedra Lingwistyki Międzynarodowego Uniwersytetu „Dubna”; adres do korespondencji – e-mail: fotiny@dubna.net.ru

¹ П. Е. С п и в а к о в с к и й, *Формы отражения жизненной реальности в эпопее А. И. Солженицына «Красное Колесо»*. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Москва 2000, с. 9.

² Там же.

бину. Современность – только плёнка на времени»³, – осознает один из персонажей *Красного Колеса*, философ Варсонофьев. Эта онтологическая глубина времени особенно ощущается во время богослужения, когда всё побуждает человека соотнести собственную жизнь с евангельскими событиями. В *Красном Колесе* показано несколько церковных служб, но полностью, от начала и до конца, описана лишь одна. Это всенощная с выносом Креста, изображенная в романе *Март Семнадцатого*.

Такое богослужение совершается один раз в году – вечером в субботу на третьей неделе Великого поста (в 1917 году она пришлась на 4-ое марта). С него начинается неделя, которая называется Крестопоклонной, поскольку предназначена для особого поклонения Кресту Спасителя. Она традиционно отличалась повышенной строгостью, поскольку готовила людей к уже близким дням Страстей Господних. Почтение к ней по инерции сохранялось в общественном быту и в первые дни после Февральской революции: «из-за четвертой, Крестопоклонной, недели поста не было ни спектаклей, ни даже киносеансов» [VIII, 68]. Смысл названной всенощной выражен у Солженицына с предельным лаконизмом: «Крест голгофских страданий, вынесенный в центр храма, становится в центр мира» [VII, 312]. По воле автора он становится и в центр эпопеи. Его значимость подчеркнута, в частности, тем, что слово «Крест» (как и «Колесо») Солженицын часто пишет с прописной буквы. *Красное Колесо* не может, на наш взгляд, быть понято вне символики Креста и семантики столь выделенного писателем богослужения.

Созерцание Креста позволяет человеку не замыкаться в пределах собственной эпохи, соизмерять происходящее в мире с главным событием человеческой истории, совершившимся на Голгофе. А перед лицом этого события легко осознать, что ни политические коллизии, ни социальные конфликты не достойны восприниматься как основное содержание исторического процесса. «И воспламеняются революции, и гаснут революции, – а мир Творца стоит», – думает во время упомянутой всенощной Вера Вортынцева, и ее точка зрения в данном случае созвучна авторской [VII, 283]. Для сравнения, в другом эпизоде Саня Лаженицын (прототипом которого был отец писателя) особенно остро ощущает красоту Божьего творения и безумие мировой войны рядом с придорожным крестом с образом Спасителя недалеко от родины Мицкевича [III, 11]. Встречая Крестопоклонную

³ А. И. Солженицын, *Красное Колесо: Повествование в отмеренных сроках в 4 узлах*, Москва 1993-1997 – т. 4, с. 549. Далее ссылки на это издание даются в квадратных скобках; римская цифра обозначает том, арабская – страницу.

неделю, только что отрешившийся Николай II думает: «Боже мой, как мелки все наши заботы по сравнению с Голгофой! Что решит или откажет какое-то временное правительство, пустят туда или сюда, что напишут в революционных листках, – всё это пройдет. И его отречение от престола... – тоже пройдет. А Голгофа – останется вечно, как главная жертва и главная тайна» [VII, 313]. Всенощная с выносом Креста идет уже среди революционного вихря. На улицах вокруг храма творятся бессудные расправы. Стараниями фанатиков-пропагандистов в народе умножаются и умножаются зависть и ненависть. Еще несколько месяцев – и к власти придет правительство, объявившее беспощадную войну Христу и христианам. «Но мир храма торжествовал над внешним. Ничто не могло протянуть лапы остановить этот воспаряющий праздник... где вперед искупалось и всё дурное, что могло случиться во внешнем мире» [VII, 286].

Однако это искупление, совершенное Спасителем, отнюдь не освобождает человека от ответственности за собственную судьбу и окружающий мир. Для Солженицына чрезвычайно важно представление о том, что «история есть результат взаимодействия Божьей воли и свободных человеческих волей»⁴. В *Красном Колесе* он подробнейшим образом показывает, что в событиях революции 1917 года не было ничего фаталистического; она явилась результатом свободного проявления воли (а чаще безволия) самых разных людей – генералов и парламентариев, министров и рабочих. У этих исторических персонажей, воссозданных на страницах эпопеи, несхожие биографии и политические убеждения. Объединяет их только одно: в решающий момент они идут, иногда из благих побуждений, на сделку со своей совестью. Эта сделка, как правило, предполагает согласие с унижением или убийством невинных людей. Но действующие (а чаще бездействующие) лица оправдывают себя тем, что таким образом служат родине, народу или идеалам всемирного братства...

В этом важнейшем аспекте своего содержания *Красное Колесо* переключается с одной из тех восхищавших Солженицына проповедей о. Александра Шмемана, которые писатель в 1970-е годы слушал по радио «Свобода»⁵. Она посвящена именно Крестопоклонной неделе, и в ней говорится: «Мы знаем, что мучили, распинали, ненавидели Христа не какие-то изверги, особо злом одержимые люди. Нет, в сущности, это были люди, <как все>...

⁴ А. И. Солженицын, *Интервью с Дэвидом Эйкманом для журнала «Тайм»*, в: А. И. Солженицын, *Собрание сочинений в 9 томах*, т. 7, Москва 2001, с. 474.

⁵ А. Шмеман, *Воскресные беседы*, Москва 1993, с. 3.

Но разве не совершается то же самое и в окружающей нас жизни? Разве не присутствует Пилат в каждом из нас всё время? Разве, когда приходит час сказать решительное, бесповоротное *нет* неправде, несправедливости, злу и ненависти – мы не сдаемся на этот соблазн «умыть руки»? [...] И потому первый смысл креста – это смысл его как суда... над тем псевдодобром, в которое в мире сем вечно рядится зло и которое обеспечивает злу его страшную победу на земле»⁶. *Красное Колесо*, нигде прямо не высказывая эту мысль, воплощает ее художественными средствами. Мозаика документальных сюжетов складывается в рассказ о том, как официальные лица и частные граждане России «умыли руки», освобождая Ленину прямой путь к власти. А то, что правление коммунистов было одним из страшных проявлений вечного зла, Солженицын показал уже в *Архипелаге ГУЛаге*.

Крестопоклонная напоминает не только о Кресте Христовом, но и о том кресте, который дан каждому человеку в его конкретных обстоятельствах и который христианин обязан нести каждый день. О том, что христианства нет без этого креста, Солженицын напоминал и до *Красного Колеса* – в частности, в своем письме Патриарху Пимену (1972). Закономерно и символично, что это скорбное письмо датировано именно Крестопоклонной неделей⁷. Сцена всенощной в *Марте Семнадцатого* будет написана еще не скоро. Но её будущий автор уже призывает «в эти дни, коленно опускаясь пред Крестом, вынесенным на середину храма», вспомнить о том, что без жертвы нельзя вернуть России христианский дух и христианский облик⁸. Здесь письмо Солженицына почти буквально совпадает со словами уже упоминавшейся проповеди о. Александра Шмемана: «Вынося крест, поклоняясь ему, целуя его, вспомним... о кресте как о выборе. О выборе, от которого всё зависит в мире и без которого всё в мире – торжество тьмы и зла»⁹.

Все герои *Красного Колеса*, сознательно или неосознанно, стоят перед этим выбором. И некоторые выбирают крест – путь самопожертвования во имя любви к Богу и ближнему. В дни разгрома русской армии в Восточной Пруссии солдаты «крестными шагами» выходят вперед, чтобы прикрыть собой отступление товарищей» [I, 360]. На лице молодого офицера Ярослава его подруга Ксения видит «свет жертвы» [VIII, 91] и крестит его на прощание (возможно, именно это крестное знамение, полное сестринской

⁶ Там же, с. 169-170.

⁷ См.: Солженицын, *Собрание сочинений в 9 томах*, т. 7, с. 38.

⁸ Там же. Кстати, в этом письме Солженицын ставит в пример подсоветской России подсоветскую же Польшу.

⁹ Шмеман, *Воскресные беседы*, с. 171.

любви, спасает его на следующий день от неминуемой расправы в поезде). Вера Воротынцева заставляет себя отказать любимому человеку, чтобы не причинить горя другой женщине и ее ребенку. «Крест? Крест. Нести крест!» – решает она [VIII, 421]. Николай II видит в своей царской власти «Крест Господен» [II, 397]. А после ареста он со смирением принимает все посыпавшиеся на него оскорбления: «Да будет воля Божья над нами! Записал так в дневник, и после восклицательного поставил Крест» [X, 253]. Такова последняя фраза, сказанная в *Красном Колесе* об этом персонаже: Крест Христов завершает, венчает собой его романную жизнь, словно перечеркивая все его ошибки. Отметим, что эта интерпретация личности Государя предварила позицию Церкви: в 2000 г. Николай II был канонизирован не как правитель, но как страстотерпец – за свою жизнь после отречения, в которой он сознательно следовал за Христом в кратком перенесении любых издевательств, вплоть до самой смерти. Крестом завершается у Солженицына и совершенно другая сюжетная линия – история провинциального мальчика Юрика Харитоновна. Чувствуя, что революция несет с собой всеобщую нравственную порчу, он призывает своего такого же юного товарища: «А давай поклянёмся друг другу, что вот мы – будем против всякой мерзости биться!». И мальчики дают такую безмолвную клятву – соединяют свои руки: «правую с правой, левую с левой, крест-накрест» [X, 468].

Но большинство персонажей *Красного Колеса* отказывается от креста – иногда в прямом смысле слова. Например, солдаты сдают в поддержку революции свои георгиевские кресты – боевые награды, «принятые когда-то перекрестясь» [IX, 102]. А главное, множество людей из самых разных общественных слоев вдруг осознает себя свободными от любого долга. Не жертвенность, но стремление к власти или к лёгкой, необременительной жизни определяет их поведение. Этот коллективный, почти всеобщий отказ от Креста писатель считает самой главной, самой глубокой причиной всего случившегося с Россией в XX веке. В своей Темплтоновской лекции, произнесенной в 1983 г., Солженицын обозначил эту причину одной фразой: «Люди забыли Бога»¹⁰. А без Бога люди становятся бессильными и перед своими страстями, и перед вечным злом (то есть перед внушениями дьявола). Закономерно поэтому, что в 1917 году русские «как нация потерпели духовный крах», – пишет Солженицын в статье «Размышления над Февральской революцией» (1980-1983)¹¹. «Какая-то злая духовная эпидемия», –

¹⁰ Солженицын, *Собрание сочинений в 9 томах*, т. 7, с. 330.

¹¹ Там же, с. 430.

говорит в дни этой революции один из петербуржцев [IX, 442], и его слова напоминают о последнем сне Раскольникова у Ф. М. Достоевского. Ведь именно в эпилоге *Преступления и наказания*, в краткой, но пророческой антиутопии впервые возникает мотив неслыханной эпидемии, идущей из глубин Азии на Европу. Эту страшную болезнь вызывали микроскопические существа, одаренные умом и волей (Достоевский не употребляет здесь слова «бесы», но речь идет, конечно, о них). Люди, в которых вселялись такие микробы, сходили с ума и, убежденные в собственной правоте, зверски истребляли друг друга – города, армии, страны... В *Красном Колесе* всё это начинает происходить уже наяву.

Как осознает один из главных героев тетралогии, народ попадает в рабство «кругового Обмана» [X, 553]. Персонифицированный Обман не случайно имеет здесь форму круга. Он ассоциируется с тем Колесом, которое дало название всему произведению. «Революция, – пояснял Солженицын в одном из интервью, – крупнейшее космическое Колесо, подобное... закрученной спиральной галактике. Огромное Колесо, которое начинает разворачиваться, – и все люди, включая и тех, которые начинали его крутить, становятся песчинками. Они там и гибнут во множестве»¹². Созданный в эпопее образ Колеса предрекает эту гибель миллионов людей. Показательна глава из *Августа Четырнадцатого*, которая имитирует киноэкран. При паническом ночном бегстве от повозки на ходу отскочило колесо –

«... и само! обгоняя! покатило вперед!
 колесо!! всё больше почему-то делается,
 Оно всё больше!!
 Оно во весь экран!!!
 КОЛЕСО! – катится, озаренное пожаром!
 самостийное!
 неудержимое!
 всё давящее!
 Безумная, надрывная ружейная пальба! пулемётная! пушечные выстрелы!!
 Катится колесо, окрашенное пожаром!
 Радостным пожаром!!
 Багряное колесо!!
 И – лица маленьких, испуганных людей: почему оно катится само? почему такое большое?» [I, 318].

¹² Там же, с. 474.

Это неуправляемое Колесо становится лейтмотивом повествования. Во всех четырех романах некий предмет (крылья горящей мельницы, шелковая розочка и т.д.) вдруг начинает медленно поворачиваться; затем вращение ускоряется и предмет превращается в красное или огненное колесо. Показательно, что при этом предмет деформируется, подчас уродливо: изящная шелковая бутоньерка превращается в лохматый, рваный бант [VI, 514]. Есть и другая закономерность: от *Августа Четырнадцатого* до *Апреля Семнадцатого* образ Колеса последовательно снижается. Если в первый раз оно возникает в эпосе как величественная горящая мельница, то в последний раз – как жалкое резиновое колечко, которое рассеянно крутит на карандаше участник одного из бесчисленных заседаний. Этот нисходящий образный строй отражает в повествовании общую деградацию страны. Жорж Нива назвал *Красное Колесо* «поэмой о потере добродетелей», на которых зиждется мир: справедливости, благоразумия, воздержания и мужества. «Нарушено всякое равновесие, – пишет исследователь. – Помрачение разумом завлакивает Россию, замыкает все пути в будущее»¹³.

Для связи образа колеса с мотивом помрачения, разрушения жизни есть основания в самом русском языке. Солженицын мог почерпнуть эту связь из горячо любимого им словаря В. И. Даля, где *колесить* означает не только «делать объезд, ездить околицей», но и «плутать, блуждать», а *говорить околесицу* – «пространно пустословить, говорить чепуху». *Доколесились*. *Опять заколесил (загородил)*¹⁴. В приведенных примерах очевидно неодобрение, оценка действия как неудачного или бессмысленного. К *Красному Колесу* эти примеры имеют прямое отношение: во-первых, здесь изображается, как страна заблудилась, потеряла путь (*заколесила*); во-вторых, один из главных объектов авторской иронии – бесконечная пустопорожняя болтовня политиков, в том числе лидеров Думы (они, главным образом, *несут околесицу*). Уместно в связи с эпосом Солженицына вспомнить и глагол *колесовать* – «предавать мучительной смерти, ломая кости колесом». Автор показывает, как всё лучшее в России обрекается на подобную казнь; именно *колесуется* – точнее не скажешь. Словом, *Красное Колесо* объясняет, как мы *доколесились* до ГУЛАГа.

В эпосе ощутима сверхъестественная, мистическая природа движения Колеса. Его движение именуется «странным» [I, 260] и «страшным» [VI,

¹³ Ж. Нива, *Поэма о «разброде добродетелей»*, «Континент», 1993, № 5, с. 292, 295.

¹⁴ В. И. Даль, *Толковый словарь живого великорусского языка в 4 томах*, т. 2, Санкт-Петербург 1996, с. 137.

514], поскольку обычные по своей видимости вещи начинают двигаться самостоятельно. Даже в том случае, когда колесо запускают люди (эпизод в ресторане Кюба), оно всё равно ведет себя по-своему, не согласуясь с их намерениями: вертящийся национальный флаг, созданный из бенгальских огней, превращается в красное колесо вопреки воле пиротехников [IV, 19-20]. Неживое ведет себя как живое. Это ненормально и потому жутко. Колесо кружится, заведенное «не своею силой» [VII, 390]. Чья же это сила – Бога или дьявола?

С одной стороны, как уже говорилось выше, Колесо связано с темой духовной эпидемии, духовного помрачения людей как следствия их забвения о Боге (что есть, безусловно, действие дьявольское). Показательны неразрывно соединенные с Колесом мотивы *кружения*, *скольжения*, *сползания*: Колесо постепенно заражает мир своим аномальным движением. «Закружилась, запуталась и Рабочая группа – и всё рабочее дело – и даже матушка Русь – и нет концов», – размышляет рабочий Козьма Гвоздев [V, 57]. Генералу Самсонову подносят «стройный план скользящего щита – и в нем тоже было круговращение, повторявшее вращенье неба»; полководец доверчиво «ищет опору в этом вращении» [I, 377], приводит тем самым армию к катастрофе и от горя кончает с собой. В финальной главе Воротынцев одновременно чувствует и нарастание зла, и невозможность определить конкретного противника. «Да *против кого* – понимаешь ли сам? Такая закружливая чёртова обстановка: против кого?... Как это страшно сползло! Сползает. Круговой Обман – вот какой враг» [X, 552-553]. Один из наиболее близких автору персонажей далеко не случайно ставит здесь рядом эпитеты «закружливая» и «чёртова». Бесцельное кружение традиционно является знаком нечистой силы – например, в стихотворении А. С. Пушкина *Бесы*: «В поле бес нас водит, видно, да кружит по сторонам... Закружились бесы разны... Сил нам нет кружиться доле...». *Скольжение* и *кружение* – сквозные мотивы поэмы А. А. Блока *Двенадцать*, где они также имеют inferнальную природу¹⁵. При этом для авторской позиции в *Двенадцати* характерно, как показал Иван Есаулов, «сближение – почти до неразличения – Божественного и дьявольского», отмена онтологической разницы между добром и злом, светом и тьмой¹⁶. По контрасту, художественная логика *Красного Колеса* ведет к «различению духов»,

¹⁵ И. А. Е с а у л о в, *Мистика в русской литературе советского периода* (Блок, Горький, Есенин, Пастернак). Тверь 2002, с. 9-12. О мотиве кружения, вращения в советской поэзии см. также: Т е н ж е, *Категория соборности в русской литературе*, Петрозаводск 1995, с. 180-181.

¹⁶ Т е н ж е, *Мистика в русской литературе советского периода*, с. 17.

к обретению онтологических основ, противостоящих бесовскому кружению. Лучшие герои эпопеи понимают, что Колесу необходимо противостоять, но не находят человека, способного это противостояние возглавить.

Вместе с тем демоническое начало входит в мир не без Божией воли. Солженицын создавал свою эпопею с твёрдой верой в Провидение: «Я – убеждён в присутствии Его в каждой человеческой жизни, в своей жизни, и в жизни целых народов. Только мы так поверхностны, что вовремя ничего не можем понять. Все изгибы нашей жизни мы различаем и понимаем с большим-большим опозданием. Так, уверен я, когда-нибудь поймём мы и замысел о Семнадцатом годе»¹⁷. И образ мистического Колеса отсылает читателя не только к inferнальным мотивам в литературе и фольклоре; он восходит к Ветхому Завету, к книге пророка Иезекииля. Как и в тетралогии Солженицына, таинственные страшные колёса появляются там неоднократно: идут, стоят, поднимаются от земли, следуют за херувимами (гл. 1, ст. 15-21). Вслед за тем Израилю дается пророчество: «... произведу над тобою суд, и весь остаток твой развею... Третья часть у тебя умрет от язвы и погибнет от голода среди тебя; третья часть падет от меча в окрестностях твоих; а третью часть развею по всем ветрам... И будешь посмеянием и поруганием, примером и ужасом у народов, которые вокруг тебя...» (гл. 5, ст. 10, 12, 15). Голос Бога далее говорит: «Искал Я у них человека, который поставил бы стену и стал бы предо Мною в проломе за сию землю, чтобы Я не погубил ее, но не нашел. Итак, изолью на них негодование Мое, огнем ярости Моей истреблю их, поведение их обращу им на голову» (гл. 22, ст. 30-31). За то, что израильтяне забыли Бога, отвергли Его заповеди и обратились к идолам, Господь «попустил им учреждения недобрые и постановления, от которых они не могли быть живы» (гл. 20, ст. 25). Параллели с эпопеей Солженицына более чем очевидны. С Россией происходит то же самое, что и с древним Израилем. В ней тоже не находится человека, который «встал бы за сию землю», чтобы Бог не погубил её... И, продолжая мысль Ж. Нива, напомним, что *Красное Колесо* повествует не только о «потере добродетелей», но и о возникновении «недобрых учреждений», от работы которых не смогли «быть живы» десятки миллионов людей.

Появление Колеса предстает тем самым как наказание свыше, Божия кара. «Все удивлялись, что для колоссального переворота никому не пришлось приложить совсем никаких сил.

Да, земных» [VIII, 576].

¹⁷ Солженицын, *Собрание сочинений в 9 томах*, т. 7, с. 274.

Выделяя последнюю фразу в отдельный абзац, писатель подчеркивает её значимость. «Обращаясь к древнему библейскому символу колеса, – утверждает Ж. Нива, – Солженицын выводит на Страшный Суд Россию века сего. В старинной византийской базилике в Торчелло, на венецианской лагуне, где сохраняются самые первые христианские мозаики, под Христом-Вседержителем, над ангелами, взвешивающими души, – красное колесо...»¹⁸. Тема Божьего Суда действительно звучит в эпопее: «Всё рухнуло. Всё кругом ещё дорुшивалось. Всё было грозиво-темно, как в день Страшного Суда» [VII, 708]. И этот суд, свершившийся в 1917 году над одной, отдельно взятой страной, имеет, по убеждению писателя, всемирное значение: «Э т о должно было грянуть над всем обезбоженным человечеством. Э т о имело всепланетный смысл, если не космический»¹⁹. В *Красном Колесе* Солженицын воплощает эту мысль художественными средствами. Во время Февральской революции философ Варсонофьев видит таинственный сон: в многолюдный зал какой-то Биржи входит «мальчик с дивно светящимся лицом... Варсонофьев понимает, что этот мальчик – Христос, а в руках у него бомба! – ужасного взрыва для целого мира... Ещё и в яви обнимал его ужас этого космического подошедшего взрыва... Что это была за Биржа? ... во всяком случае, не одна Россия. Это какой-то смысл имело – всеобщий.

И хотя нестерпимо было пережить этот взрыв – но он был не просто уничтожение, он был и Свет, слишком светило лицо мальчика.

О! Сколько было сил непознанных! В каком-то непостижимом объеме совершалось нечто великое – и может быть только слабым отображением были те завихрения на улицах русских городов в последние недели» [VIII, 574].

Лицо мальчика-Христа светится. Кара Божия – лишь грань Божьего милосердия. Не случайно в одной из экранных глав *Марта Семнадцатого* в неудержимое Колесо превращается красный крест – «крест всемирного милосердия», напоминание о Кресте Христовом; именно о нём говорится как о заведённом «не своею силой» [VII, 389-390]. О том, что милосердие Божие присутствует даже в самых страшных событиях, говорит и такой документальный, а вместе с тем символический эпизод. Когда революционная толпа достигла казарм Измайловского полка (чтобы и там убивать верных присяге военных), измайловцы в последнюю минуту вышли из здания с другой его стороны. Они не знали о настигающей их расправе,

¹⁸ Ж. Н и в а, *Солженицын*, Москва 1992, с. 151.

¹⁹ С о л ж е н и ц ы н, *Собрание сочинений в 9 томах*, т. 7, с. 429.

просто отправились «на подкрепление правительственным войскам. И успели уйти. Разделил тех и других – массивный широкий тёмный в ночи Троицко-Измайловский собор.

Уцелевшие очевидцы уверяли потом, что в окружной темноте крест на куполе необъяснимо светился. И кто замечал – снимали шапки и крестились» [V, 638].

Этим необъяснимым светом Бог ещё раз напоминает людям о спасительной силе Креста. И всенощная с выносом Креста говорит о том, что после всех земных победителей победит Христос. Падая на колени перед увитым цветами Крестом, все собравшиеся в храме прославляют его песнопением, и голоса их звучат «взмывающей земной силой» [VII, 286]. Земля в эти минуты взмывает к небу. «Это была – как волна, покрывающая всех тут и до того цельная, что как будто она и перенесла Крест по воздуху, не роняя, – на аналой посреди храма.

Нет, не волна, а соединяющая сила, которую действительно ничто на Земле не может сломить.

Кресту-у-у Твоему-у-у по-кло-ня-ем-ся, Влады-ыко-о!

И падал весь храм в едином земном поклоне – и снова вставал. И снова победно –

– Кресту-у-у... [...]

Твоим Крестом разрушится смерти держава» [VII, 287].

Последняя фраза завершает всю главу. Как и выделение в самостоятельный абзац, это придает ей значение смыслового итога. И хотя в ней говорится прежде всего о буквальной победе Христа над смертью (о Его воскресении как залоге воскресения всех умерших), в контексте эпопеи фраза приобретает еще один смысл: Крест в конце концов разрушит и то наступающее владычество безбожников, которое будет держаться на крови и костях, а потому тоже может быть с полным правом названо «державой смерти».

С этим богослужением, действительно проходившим 4 марта 1917 года во всех русских храмах, по ассоциации связан и странный сон Варсонофьева, в котором Россия уже попала «под власть каких-то страшных врагов», а сам герой участвует в тайном обряде «запечатления». В реальной богослужбной практике такого обряда нет, и данный эпизод имеет в «Красном Колесе» иносказательный смысл. Герою снится церковь, в которой идет тайное богослужение: «присутствующих с дюжину – есть священники, есть миряне». Они «здесь собрались на обряд *запечатления* церкви – то есть запечатания её на долгое время... И запечатление это будет вот в чём состоять: на аналой посреди церкви уже положены три больших серебряных креста

(не помещаясь, чуть с перекрытием друг друга...) – и в ходе службы старший священник зальёт их вместе расплавленным белым воском, и так они застынут надолго. И ещё знают они все: что после этого обряда их всех должны посадить в тюрьму, за то, что они были здесь, и это неминуемо, и они к этому готовы. А власть врагов спешит, чтобы этот обряд не произошёл: они хотят, чтобы церковь не успела запечатлеться. А в обряде тоже спешить нельзя: теперь все они должны лечь на каменный пол ниц и так оползти всей чередой все церковные стены кругом, лишь потом будет запечатление...» [VIII,575]. Христианская символика некоторых деталей очевидна. Например, то, что на аналое лежит не один крест, как в жизни, а сразу три, и они неразделимо соединяются, напоминает о Святой Троице. Однако мотив *оползания* храма имеет иную природу. Он восходит не к канонической церковной, а к архаической славянской традиции, до XX века сохранявшейся среди крестьян²⁰ (показательно, что в этом же сне Варсонофьев видит на пороге храма свою дочь в крестьянской вышитой рубахе, которую она в жизни заведомо не носит). Мысль героя о том, что «современность – только плёнка на времени», получает неожиданное подтверждение. Варсонофьев, интеллеktуал начала XX века, одновременно ощущает в этом сне свою причастность и к будущему, и к далекому прошлому: к неизбежно грядущей эпохе, в которой вера будет под запретом, и к тем глубинам народной культуры, где вера срослась с суеверием и в чем-то преобразила его. Магический круг ограждает здесь положенный в центре храма крест, а крест сохраняет, *запечатлевает* для далёких потомков покидаемый людьми храм.

В других же случаях, как было показано выше, Крест как символ христианского пути противостоит Колесу революции. В этой связи нельзя не вспомнить роман Гилберта Честертона *Шар и Крест* (1910). В первой его главе святой монах рассказывает притчу о человеке, который возненавидел крест и начал с того, что убрал из своего дома распятие, а кончил тем, что разрушил весь дом и покончил с собой. В *Красном Колесе*, по сути дела, отображено воплощение этой притчи в жизнь: забыв о Боге, русский народ разрушил и свой общий дом, и всё свое бытие. Родственна символика тетралогии и рассуждению из книги *Вечный Человек* (1925), где Честертон противопоставляет крест «колесу Будды, которое обычно зовут свастикой. Крест смело указывает в противоположные стороны, эти же линии стре-

²⁰ Н. И. Толстой, *Из славянских этнокультурных древностей*, 1. *Оползание и опоясывание храма*, (Труды по знаковым системам, т. 21: Символ в системе культуры), Тарту 1987, с. 57-77.

мятся к кругу... Крест – не только воспоминание; точно, как математический чертеж, он выражает идею борьбы, уходящей в бесконечность. Другими словами, крест прорывает круг»²¹. И в *Красном Колесе* Крест, и только Крест, может прорвать «круговой Обман».

Солженицын, скорее всего, не читал Честертон. Отмеченная параллель – не заимствование, а типологическое родство. Оно порождено общим для европейской культуры основанием, которое без Креста превращается в бессмысленно вертящийся круг.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Д а л ь В. И.: Толковый словарь живого великорусского языка в 4 томах, Санкт-Петербург 1996.
- Е с а у л о в И. А.: Категория соборности в русской литературе, Петрозаводск 1995.
- Мистика в русской литературе советского периода (Блок, Горький, Есенин, Пастернак). Тверь 2002.
- Н и в а Ж.: Поэма о «разброде добродетелей», «Континент», 1993, № 5, с. 292, 295.
- Солженицын, Москва 1992.
- С о л ж е н и ц ы н А. И.: Красное Колесо: Повествование в отмеренных сроках в 4 узлах, Москва 1993-1997.
- Собрание сочинений в 9 томах, Москва 2001.
- С п и в а к о в с к и й П. Е.: Формы отражения жизненной реальности в эпосе А. И. Солженицына «Красное Колесо». Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Москва 2000.
- Т о л с т о й Н. И.: Из славянских этнокультурных древностей, 1. Оползание и опоясывание храма, (Труды по знаковым системам, т. 21: Символ в системе культуры), Тарту 1987.
- Ч е с т е р т о н Г. К.: Вечный Человек, перевод Н. Л. Трауберг, Москва 1991.
- Ш м е м а н А.: Воскресные беседы, Москва 1993.

KOŁO I KRZYŻ W CZERWONYM KOLE A. I. SOŁŻENICYNA

Streszczenie

Artykuł poświęcony jest analizie jednego z najważniejszych dzieł A. Sołżenicyna, tetralogii *Czerwone Koło* z punktu widzenia symboliki Krzyża i Koła. Wszyscy bohaterowie analizowanego utworu, świadomie bądź podświadomie, stoją przed tym samym dylematem – wyboru krzyża, drogi samounicestwienia w imię miłości Boga i bliźniego. Główną przyczyną katastrofy rewolucji było dla Sołżenicyna to, że większość Rosjan odwracała się od swojego krzyża i pamięci o Bogu. Ważne

²¹ Г. К. Честертон, *Вечный Человек*, перевод Н. Л. Трауберг, Москва 1991, с. 175.

miejsce w analizowanym utworze zajmuje też symbol Koła. Taką formę przyjmuje upersonifikowane zło. Obraz ognistego Koła odsyła odbiorcę nie tylko do infernalnych motywów literackich i folklorystycznych, ale także do Starego Testamentu (Księga Ezechiela) i tematu Sądu Bożego. Autorka artykułu wiąże poglądy Solżenicyna z tradycją „demonicznej” interpretacji dziejów Rosji, idącej w głównej mierze od Dostojewskiego i jego obrazów powodzi „zła” i „dobra”.

Słowa kluczowe: krzyż, koło, Bóg, zmartwychwstanie, symbolika chrześcijańska, Rosja, wiara.

Ключевые слова: крест, колесо, Бог, воскресение, христианская символика, Россия, вера.

Key words: cross, wheel, God, resurrection, Christian symbolism, Russia, faith.